

РУССКІЯ ПѢСНИ
МЕРЗЛЯКОВА И ЦЫГАНОВА

РУССКІЯ ПѢСНИ

МЕРЗЛЯКОВА И ЦЫГАНОВА

СЪ ОЧЕРКОМЪ ЖИЗНИ ОБОИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою 7 сентября 1903 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПЪСНИ МЕРЗЛЯКОВА

А. Θ. МЕРЗЛЯКОВЪ.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ, ординарный профессоръ поэзіи и краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ, родился въ 1778 году, въ Пермской губерніи, въ городѣ Далматовѣ. Отецъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, весьма небогатый купецъ этого города, научилъ своего сына только читать и писать. Особенную охоту къ ученію и отличныя способности въ мальчикѣ первый замѣтилъ родной его дядя, Алексѣй Алексѣевичъ Мерзляковъ, служившій правителемъ канцеляріи при тогдашнемъ генераль-губернаторѣ Пермской и Тобольской губерніи, Алексѣѣ Андреевичѣ Волковѣ. Онъ уговорилъ, хотя и не безъ труда, брата своего отпустить сына въ Пермь. При открытіи въ Перми народныхъ училищъ, директоръ ихъ, Иванъ Ивановичъ Панаевъ, принялъ въ свое завѣдываніе пермское народное училище. Посѣтивъ однажды вечеромъ А. А. Мерзлякова, онъ случайно завелъ разговоръ съ 14-ти-лѣтнимъ

худо одѣтымъ его племянникомъ, принесшимъ чайникъ. А. А. Мерзляковъ былъ недостаточный человекъ, и племянникъ исполнялъ у него при случаѣ роль слуги. Отвѣты мальчика понравились Панаеву, и онъ, сдѣлавъ дядѣ выговоръ за пренебреженіе воспитаніемъ племянника, на другой же день записалъ его въ училище и сталъ слѣдить за его успѣхами. Спустя годъ, Мерзляковъ принесъ ему свое стихотвореніе—«Оду на заключеніе мира со шведами», которая Панаевымъ была представлена Волкову, а имъ отправлена къ главному начальнику народныхъ училищъ, Петру Васильевичу Завадовскому; тотъ же поднесъ ее императору Екаторинѣ II. Въ собственноручной запискѣ Мерзлякова сказано, что «благодѣтельная государыня приказала напечатать эту оду въ издаваемомъ тогда при Академіи журналѣ и, сверхъ того, нѣсколько экземпляровъ собственно для сочинителя». Они были присланы въ Пермь, при высочайшемъ рескриптѣ къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ въ Петербургъ или въ Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 году Мерзляковъ прибылъ въ Москву и препорученъ куратору университета Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Въ 1798 г. Мерзляковъ изъ студентовъ переименованъ былъ въ бакалавры; въ 1799 г. онъ первенствуетъ въ спискѣ печатномъ казеннокоштныхъ студентовъ и получилъ золотую медаль. Въ это время Мерзляковъ сблизился съ Жуковскимъ

и принималъ участіе въ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при университетскомъ благородномъ пансіонѣ. По выходѣ Жуковского изъ пансіона учреждено было новое дружеское литературное общество, котораго правила подписаны основателями 1801 г. января 12-го. Эти дружескія общества соединяли тогда юношество университета и пансіона. Въ 1804 г. Мерзляковъ занялъ кафедру руссійскаго краснорѣчія и поэзіи; съ 1817 по 1818 г. былъ деканомъ словеснаго отдѣленія и потомъ постоянно, съ 1821 по 1828 годъ, Мерзляковъ былъ дѣйствительнымъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ Общества любителей руссійской словесности при Московскомъ университетѣ отъ основанія его и временнымъ его предсѣдателемъ. Не проходило ни одного собранія, въ которомъ онъ не читалъ бы своихъ стиховъ или прозы; кромѣ того, онъ былъ также дѣйствительнымъ членомъ Общества исторіи и древностей руссійскихъ, Казанскаго и Ярославскаго обществъ любителей руссійской словесности; Виленскій университетъ также избралъ его въ свои почетные члены.

Въ 1812 году Мерзляковъ открылъ публичный курсъ словесности. Бесѣды его, прерванныя нашествіемъ Наполеона, возобновились въ 1816 г. Особенною ихъ цѣлію было принести пользу тѣмъ молодымъ людямъ, которые, по любви къ словесности, желали бы познакомиться съ нею, но которымъ служебныя обязанности или другія занятія не доз-

воляли посѣщать университетъ. Въ первый курсъ (10 бесѣдъ) Мерзляковъ разсмотрѣлъ общія правила краснорѣчія и поэзіи и особенныя правила разныхъ родовъ сочиненій; во второй (24 бесѣды), по краткомъ изложеніи того, что содержалъ въ себѣ предыдущій курсъ, онъ представилъ разборы извѣстнѣйшихъ русскихъ стихотворцевъ, преимущественно Ломоносовскаго періода. Читеніямъ блистательный успѣхъ. Ихъ посѣщали не одни молодые любители словесности, но и знатнѣйшія особы столицы, первые литераторы, дамы. «Я слушалъ его лекціи въ университетѣ (1813—1817 г.),—говоритъ одинъ изъ его современниковъ,—надобно сказать, что здѣсь онъ посѣщалъ ихъ лѣниво, приходилъ рѣдко; иногда, прождавши его съ четверть часа, мы расходились... Лучшее время жизни Мерзлякова было до 1812 г. Это время для него было самое пріятнѣйшее, самое цвѣтущее и для человѣка, и для поэта: время, исполненное мечтаній—несбывшихся, но тѣмъ не менѣе оживлявшихъ пылкую его душу. Въ это время онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ сельцѣ Жадочахъ, подмосковной дачѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ его любили, цѣнили его талантъ, его добрую душу, его необыкновенное простосердечіе, лелѣяли и берегли его природную безпечность»... Въ 1815 г. Мерзляковъ женился на Любови Васильевнѣ Смирновой. Въ супружествѣ прожилъ пятнадцать лѣтъ, будучи, какъ семьянинъ, примѣрнымъ супругомъ и отцомъ дѣтей, которыхъ оста-

вилъ четверо, отъ 14-ти лѣтъ до полутора года. Въ остальные годы жизни Мерзляковъ нерѣдко подвергался изнурительнымъ болѣзнямъ. 1830 г. іюня 26-го, на празднествѣ семидесятипятилѣтняго юбилея Московскаго университета, онъ, уже больной и слабый, читалъ свои стихи «Юбилей», а ровно черезъ мѣсяцъ, 26-го іюля, скончался на своей дачѣ въ Сокольникахъ; іюля 29-го тѣло его предано было землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ признательные ученики соорудили на могилѣ его памятникъ...

Кромѣ своей дѣятельности въ университетѣ, кромѣ лекцій, которыя имѣли въ свое время большое значеніе, знакомя общество съ теоріей и исторіей литературы, кромѣ критическихъ статей о писателяхъ, Мерзляковъ написалъ много стихотвореній, для своего времени замѣчательныхъ, перевелъ съ итальянскаго стихами «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, переводилъ также произведенія древнихъ поэтовъ, греческихъ и римскихъ, — Пиндара, Теокрыта, Софокла, Эврипида, Виргилія, Горация и пр. Въ 1815 г. онъ издавалъ журналъ «Амфіонъ», въ которомъ участвовали Жуковский, Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ и др. Романсы Мерзлякова и въ особенности пѣсни его, въ которыхъ онъ подражалъ народнымъ пѣснямъ, иногда удачно, пользовались большимъ распространеніемъ въ публикѣ, а нѣкоторыя пѣсни и до сихъ поръ поются.

Соединяемъ въ одной книжкѣ пѣсни Мерзлякова

и Цыганова потому, что между обоими поэтами есть сходство въ передачѣ мотивовъ народныхъ пѣсенъ. У Мерзлякова болѣе искусственности, у Цыганова болѣе знакомства съ народной пѣсней; пѣсни перваго сбиваются постоянно на романсы, пѣсни второго иногда нельзя отличить отъ чисто народныхъ.

П Ъ С Н И.

I.

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый,
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣдняжка,
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко:
Кого подъ тѣнь принять?
Ударить ли погодушка:
Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому
И дереву расти!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота:
Кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей:
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:
Поклонъ, да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими:
Поклонъ—да пара словъ.

Однихъ я самъ пугаюсь,
Другой бѣжитъ меня:
Всѣ други, всѣ пріатели
До чернаго лишь дня!

Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени
Въ чужой мнѣ сторонѣ;
Не ластится любезная
Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, глядя на насъ;
Не вьются вокругъ малюточки,
Тихохонько рѣзвась!

Возьмите же все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взгляды!

II.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время—начало сердце крушить;
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, отъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди все украдкою глядятъ,
Меня, дѣвушку, заочно всѣ бранятъ.
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любить, не спросясь людей чужихъ,
Сердце любить, не спросясь меня самой!
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь—научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной.
Было время—и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!

Что же дѣлать съ горемычной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него,
Людамъ нужды нѣтъ до сердца моего!
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горячими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горестъ я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробывать,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить.

III.

Не липочка кудрявая
Колышется вѣтромъ,
Не рѣченька глубокая
Кипитъ въ непогодѣ,
Не бѣлая ковыль-трава
Волнуется въ полѣ:
Волнуется ретивое,
Кипитъ, кипитъ сердце;
У красной у дѣвицы
Колышутся груди;
Перекатнымъ бисеромъ
Текутъ горьки слезы;
Текутъ съ лица на бѣлу грудь
И грудь не покоятъ.
Ахъ, прежде красавица
Всѣхъ насъ веселила,

А нынѣ красавица
Вдругъ стала уныла.
Развѣйтесь, развѣйтесь вы,
Дѣвически кудри!
Поблекни, поблекни ты,
Дѣвическа прелесть!
Къ чему вы мнѣ надобны,
Коль вы не для друга?
Къ чему мнѣ наряды всѣ,
Коль онъ не со мною?
Съ кѣмъ сладко порадуюсь,
Съ кѣмъ сладко поплачу?
Ты, милый другъ, радостью,
Ты былъ мнѣ красою;
Тебя только слышала,
Тобою дышала,
Въ тебѣ свѣтъ я видѣла,
Въ тебѣ веселилась!..
Съ собою ты сердце взялъ:
Чѣмъ жить, веселиться?
Родные вкругъ сердятся,
Что я измѣнилась;
Другіе притворяются,
А я не умѣю!..
Ахъ, съ дальней сторонушки
Пришли ко мнѣ вѣсточку,
Что здравъ ты и радостенъ
И что меня помнишь!
Тогда улыбнуся я
На бѣлый свѣтъ снова,

Тогда и въ разлукѣ злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять
Для васъ, добры люди!

IV.

Вылетала бѣдна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долину.
Быстрый вѣтеръ ихъ разноситъ по дубровѣ,
Слабый голосъ раздается по пустыни!..
Не скликай, уныла птичка, бѣдныхъ пташекъ,
Не скликай ты родныхъ дѣтокъ понапрасну:
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы,
И гнѣздо твое развѣяно подъ дубомъ.
Въ бурю ноченьки осеннія, дождливой,
Бродить по полю несчастна горемыка
Одинехонька съ печалью, со кручиной;
Черны волосы бѣдняжка вырываетъ,
Бѣлу грудь свою лебедушка терзаетъ:
«Пропадай ты, красота, моя злодѣйка!
Онѣмѣй ты, сердце нѣжное, какъ камень!
Растворися, мать сыра-земля, могилой!
Не расти въ пустыни хмѣлю безъ подпоры,
Не цвѣсти цвѣтамъ подъ солнышкомъ осеннимъ:
Мнѣ не можно жить безъ милаго тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть въ любви измѣна;
Я не знала, что притворно можно плакать.

Я въ слезахъ его читала клятву сердца;
 Для него съ отцомъ я съ матерью разсталась,
 За бѣдой своей летѣла на чужбину,
 За позоромъ пробѣжала доли, степи,
 Будто дома жениховъ бы не сыскалось,
 Будто въ городѣ любовь совсѣмъ другая,
 Будто радости живутъ лишь за горами...
 Иль чужа земля теплѣе для могилы?
 Ты скажи, злодѣй, къ кому я покажуся?
 Кто со мною слово ласково промолвить?
 О безродной, о презрѣнной кто потужить?
 Кто изъ милости бѣдняжку похоронить?»

V.

«Ахъ, что-жъ ты, голубчикъ,
 Не веселъ сидишь
 И нерадостенъ?»
 — Ахъ! какъ мнѣ, голубчику,
 Веселому быть
 И радостному!
 Вчера вечеромъ я
 Съ голубкой сидѣлъ,
 На голубку глядѣлъ,
 Игралъ, цѣловался,
 Пшеничку клевалъ.
 Поутру голубка
 Убита лежитъ,
 Застрѣленная,
 Потерянная!

Голубка убита
Боярскимъ слугой!
Ахъ! кстати бы было
Меня съ ней убить:
Кому изъ васъ мило
Безъ милыя жить?—
«Голубчикъ печальный,
Не плачь, не тужи!
Ты можешь въ отраду
Хотя умереть:
Мнѣ должно для горя
И жить, и терпѣть!
Голубка до смерти
Твоею была:
Мою же голубку
Живую берутъ,
Замужъ отдаютъ,
Просватываютъ».

VI.

Чернобровый, черноглазый
Молодецъ удалый
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ
И не жить любовью!

Для того ли солнце грѣтъ,
 Чтобы травкѣ вянуть?
 Для того ли сердце любить,
 Чтобы горе мыкать?
 Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-сукѣ
 Ретиваго сердца,—
 Полечу къ любезну другу
 Осеннею пташкой:
 Покажу ему платочекъ—
 Его же подарокъ:
 Сосчитаю горючи слезы
 На аломъ платочкѣ,
 Изсуши горючи слезы
 На бѣлой ты груди,
 Или сладкими ихъ сдѣлай,
 Смѣшавъ со своими...

Воетъ сырѣ-боръ за горою,
 Метелица въ полѣ;
 Встала вьюга, непогода,
 Запала дорога.
 Оставайся, бѣдна птичка,
 Запертая въ клѣткѣ!
 Не отворишь ты слезами
 Отеческій теремъ,
 Не увидишь дорогова,
 Ни прежняго счастья!
 Не ходить бы красной дѣвкѣ
 Вдоль по лугу-лугу;
 Не искать было глазами
 Пригожихъ, удалыхъ!

Не любить бы красной дѣвкѣ
Молодого парня:
Поберечь бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

VII.

Чувства въ разлукѣ.

Что не дѣвица во теремѣ своемъ
Заплетаешь русы кудри серебромъ:
Мѣсяцъ на небѣ, безъ ровни, самъ большой,
Убирается своею красотой.
Свѣтлый мѣсяцъ, весели, дружокъ, себя!
Знать кручиннушкѣ высоко до тебя.
Ты одинъ, мой другъ, гуляешь въ небесахъ,
Ты на небѣ такъ, какъ я въ чужихъ краяхъ,
А не знаешь муки тяжелой—быть однимъ
И не сѣтуешь съ пріятелемъ своимъ!..
Ахъ! всмотришь въ мои заплаканы глаза,
Отгадай, что говоритъ моя слеза:
Травка на полѣ лишь дождичкомъ цвѣтетъ,
А въ разлукѣ сердце вѣсточкой живетъ!
Все ли милая съ тобой еще дружна;
Пригорюнившись, сидитъ ли у окна;
Обо мнѣ ли разговоръ съ тобой ведетъ
И мои ли она пѣсенки поетъ?
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!

Горько плакать и конца бѣдамъ не звать!
 Не съ кѣмъ слезъ моихъ къ любезной переслать!
 У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
 У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
 У любви моей нѣтъ воли умереть.
 Изнывай же на сторонущкѣ чужой,
 Какъ въ могилѣ заваленъ одинъ живой!
 Будь, любезная, здорова, весела, —
 Знать ко мнѣ моя судьбинушка пришла!

VIII.

Сельская элегія.

Что мнѣ дѣлать въ тяжелой участи своей?
 Гдѣ размыкать горе-горькое свое?
 Сердце, сердце, ты вѣщунъ, губитель мой!
 Для чего нельзя не слушать намъ тебя?
 Какъ охотникъ приучаетъ соколовъ,
 Приучаешь ты тоску свою къ себѣ;
 Манишь горестъ, безъ того твою родню;
 Приласкала грусть слезами ты къ себѣ!
 Вѣйте, буйны, легкокрылы вѣтерки,
 Развѣвайте кудри черныя лѣсовъ.
 Вѣйте, вѣсточки, съ далекой стороны,
 Развѣвайте мою смертную печаль!
 Вы скажите: жить ли бѣдной мнѣ въ тоскѣ?
 Вы скажите: живъ ли милый мой дружокъ?
 Долго, долго ждетъ любовь моя его!
 Вотъ ужъ три года тоскѣ моей минетъ,

Ровно три года, какъ слуху нѣтъ о немъ,
Нѣтъ ни граматки, ни вѣстки никакой!
Ахъ! ужли-то солнце стало холоднѣй?
Неужли-то кровь ретива не кипить?
Неужли твое сердечко, милый другъ,
Ничего тебѣ о мнѣ не говоритъ?
Много время, чтобъ состарѣться любви!
Много время позабыть и измѣнить!
Вѣтеръ дунулъ съ чужой-дальней стороны,
Показалась зарница надъ горой,
Улыбнулась красotka молодцу, —
И прости мое все счастье и покой!
Нѣтъ! не вѣрю я причудамъ всѣмъ своимъ,
Милый другъ мой! твоя дѣвушка въ тоскѣ
Тебѣ вѣритъ больше, нежели себѣ.
Знать злосчастливымъ намъ такой уже таланъ,
Не дѣлясь душой, дѣлиться ввѣкъ житьемъ;
Знать затѣмъ-то въ зеленомъ у насъ саду
Два цвѣточка одиночкою росли,
Однимъ солнышкомъ и грѣлись, и цвѣли,
Одной радостью питались на земли,
Чтобы вѣтры ихъ далеко разнесли,
Чтобы въ разныхъ разсадить ихъ сторонахъ,
Чтобъ на разныхъ вдругъ засохнуть имъ грядяхъ!
У нихъ отняли послѣдню радость ихъ:
Чтобы вмѣстѣ горевать и умереть.
Поздно, миленькій, на родину придѣшь;
Поздно, солнышко, на гробъ ты мой блеснешь!
Я найду уже другого жениха,
Обвѣнчаюся со смертью безъ тебя, —

Самъ ты нехотя меня сосваталъ съ ней!
Приди, милый другъ, къ могилѣ ты моей!
Ты сорви цвѣтокъ лазоревый на ней;
Онъ напомнитъ, какъ цвѣла я при тебѣ;
Ты оттудова поди въ темны лѣса,
Тамъ услышишь ты кукушку вдалекѣ;
Куковала такъ злосчастная въ тоскѣ:
Горестъ съѣла всю дѣвичью красоту;
Сердце бѣдное слезами истекло.
Какъ подкошена травинушка въ лугу,
Вся изсохла я безъ милаго дружка.
Мѣсто всякое—не мѣсто для меня,
Все веселье—не веселье безъ тебя.
Рада-бъ я бѣжать за тридевять земель,
Но возможно ли отъ горя избѣжать?
Оно точитъ стѣны каменны насквозь
Оно гонится за нами въ самый гробъ.
Дѣвки просятъ, чтобъ не была я при нихъ:
Ты лишь портишь наши игры, говорятъ;
На тебя глядя, намъ тошно и самимъ!
Ахъ, подруженьки! вы не жили совсѣмъ,
Вы не знаете, и дай Боже не знать,
Горя сладкаго, опаснаго—любить!
Ваше сердце не дѣлилося ни съ кѣмъ;
Въ моемъ миломъ я любила этотъ свѣтъ:
Въ немъ одномъ и родъ, и племя все мое,
Въ немъ одномъ я весела и хороша,
Безъ него, млада, ни людямъ ни себѣ.
Ахъ! когда вы что узнаете о немъ,
Не таитесь, добры люди, отъ меня,

Ужъ не бойтесь испугать меня ничѣмъ!
Вы скажите правду-истину скорѣй;
Легче, зная бѣду, однажды умереть,
Чѣмъ, не зная ея, всечасно умирать.

IX.

Ахъ, дѣвица, красавица!
Тебя любилъ—счастливъ былъ!
Забытъ тобой—умру съ тоской!
Печальная, побѣдная
Головушка молодецкая!
Не знала-ль ты, что счастья цвѣтъ
Сегодня есть, а завтра нѣтъ!
Любовь роса — на полчаса!
Ахъ, вѣкъ живутъ, а вмигъ умрутъ!
Любовь, какъ пухъ, взовьется вдругъ;
Тоска — свинецъ внутри сердецъ.
Ахти, печаль великая!
Тоска моя несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду къ лѣсамъ тоску губить,
Пойду къ рѣкамъ печаль топить,
Пойду въ поля тоску терять,
Въ долинушку печаль скончать.
Въ густыхъ лѣсахъ — она со мной!
Въ струяхъ рѣки — течетъ слезой!
Въ чистомъ полѣ — траву сушить!
Въ долинушкахъ—цвѣты морить!
Отъ батюшки, отъ матушки

Скрываюся, патаюся.
Ахти, печаль великая,
Тоска моя несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?

Х.

Ожиданіе.

Тошно дѣвицѣ ждять мила друга;
Сердце, кажется, хочетъ вырваться;
Къ нему тайный вздохъ, къ нему страстный взоръ,
Къ нему встрѣчу вся лечу мыслями.
Ахъ, катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью!

Въ шатрѣ утреннемъ родился день;
Красно солнышко полпути прошло:
Въ высотѣ своей величается, —
Милый другъ ко мнѣ не является.
Ахъ, катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью!

Вотъ и красный день ближе къ вечеру,
И стада бѣгутъ съ зеленыхъ луговъ,
И заботы всѣ отъ людскихъ сердецъ:
Не бѣжить тоска отъ души моей.
Ахъ катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью!

Солнце къ западу тихо клонится:
Тамъ прохлада ждетъ его въ облакъ,
Тамъ погасить оно жаръ полуденный;
А кто можетъ любовь угасить въ груди?
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью!

Тѣни вечера потянулись съ горъ,
Вкругъ чернѣетъ лѣсъ...
Голосъ далъ соловей въ рощѣ липовой.
Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! это голосъ милаго.
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью!

Тѣни мирныя рощи липовой,
Раздѣлитесь и сомкнитесь!
Примѣчайте вы друга милаго!
Вечеръ этотъ мнѣ веселѣе дня.
Закатися ты, ясно солнышко,
Почивай себѣ въ ложѣ облачномъ!

XI.

С о л о в у ш к о .

Для чего летишь, соловушко, къ садамъ? —
Для соловушки алѣетъ роза тамъ.
Чѣмъ понравился лужокъ мнѣ шелковой? —
Тамъ встрѣчаюсь я съ твоею красотой.
Какъ лебедушка во стадѣ голубей,

Среди дѣвушекъ одна ты всѣхъ виднѣй!
Что лань быстра, златорогая въ лѣсахъ,
Съ робкой поступью гуляешь ты въ лугахъ.
Гордо страстный взоръ разбѣгчивый блеснулъ,
Молодецкій кругъ невольно воздохнулъ, —
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчутъ: для кого цвѣтетъ она?
Наши души знаютъ болѣ всѣхъ людей,
Наши взоры говорятъ всего яснѣй.
Но когда, скажи, терпѣть престану я?
Дни ко мнѣ бѣгутъ, а счастье отъ меня.
Пусть еще я не могу владѣть тобой,
Для чего же запретилъ тиранъ мнѣ злой
Плакать, видѣться съ красавицей моей?
И слезамъ моимъ завидуетъ злодѣй!

XII.

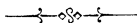
Подъ березой, гдѣ прозрачный ключъ шумить,
Добрый молодецъ, задумавшись, сидитъ;
Не одинъ сидитъ, съ товарищемъ, — съ тоской,
Преклонясь на бѣлу ручку головой.
Все встрѣчало, привѣчало все весну, —
Не встрѣчалъ, не привѣчалъ одинъ весны;
Возрыдавши, слово молвилъ про себя:
Лила! Лила! чѣмъ увѣрить мнѣ тебя?
Долго-ль будешь ты коситься предо мной?
То невѣренъ, то коваренъ, то я злой.
Твоему ли сердцу вѣдать, Лила, страхъ?
Посмотри: тамъ блещетъ рѣчка въ берегахъ;

Волны тихо ловятъ другъ друга катясь:
 Отъ любви или отъ злости эта связь?
 Тамъ воробушки кружатся и шумятъ:
 Злой ли умыселъ заставилъ ихъ играть?
 Тамъ, вѣсь, два ручейка среди луговъ,
 Другъ отъ друга хоронились межъ цвѣтовъ;
 То сближались, то скрывались тотчасъ,
 Дружка дружку обходили много разъ.
 Лугъ просторенъ, всѣмъ раздолье — веселись,
 Но наскучило кружиться имъ — слились!
 Слившись, милые разстались ли когда?
 Вмѣстѣ скачутъ, вмѣстѣ рѣзвятся всегда!
 Я замѣтилъ, что однажды вечеромъ
 Ты, смотря въ ручей, закрылася платкомъ.
 Грустно стало, любовалась ты на нихъ:
 Чѣмъ завидовать, счастливейй будемъ ихъ!

XIII.

Мой безмолвный другъ, опять къ тебѣ иду;
 Мой зеленый садъ, къ тебѣ тоску несу!
 Ровно три весны встрѣчалъ ее съ тобой:
 Не плѣняй меня и нынѣшней весной.
 Безъ любезной, безъ жестокой мнѣ не жить!
 Я иду къ тебѣ съ могилой говорить!
 Неужели и она мнѣ жестока?
 Здѣсь дрожащая отшельника рука
 Близъ бесѣдки пусть посадитъ, на грядѣ,
 Лишь подсолнечникъ — примѣръ моей бѣдѣ;

Пусть въ глазахъ моихъ подсолнечникъ растеть:
Для любви своей, для солнца онъ цвѣтетъ!
Цѣлый день кружится, бѣдненькій, за нимъ:
Онъ и зрѣть, онъ и сохнетъ только имъ.
Ахъ! какого же дождешься ты конца?
Безъ отрады гаснетъ ясный цвѣтъ лица,
Птицы выклюютъ всѣ зернушки долой,
Ты преклонишься одинъ къ землѣ сырой,
Вѣтеръ бурный сломитъ нѣжный стебелекъ,
И не спросятъ, что твой другъ къ тебѣ жестокъ!
Солнце красное высоко, далеко,
А подсолнечникъ въ долину глубоко!

ПѢСНИ ЦЫГАНОВА

Н. Г. ЦЫГАНОВЪ.

Вѣроятно, многіе читатели даже имени этого не знаютъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, и пѣсни его доселѣ поются.

Николай Григорьевичъ Цыгановъ родился въ 1797 г. въ Петербургѣ. Отецъ его былъ вольноотпущенный извѣстнаго въ Волжскомъ краѣ хлѣбнаго торговца и откупщика Злобина, основателя гор. Вольска, гдѣ до сихъ поръ находится одна изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней Саратовской губерніи. Отецъ Цыганова, отпущенный на волю, приписался въ удѣльные крестьяне и очень долгое время былъ довѣреннымъ лицомъ Злобина по обширнымъ торговымъ дѣламъ его. По должности своей Цыгановъ безпрестанно разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто. Малолѣтній сынъ его, будущій поэтъ, учился кое-какъ, урывками, большею частію дома, а иногда поступая на время въ училище, какое находилось въ мѣстѣ пребыванія его семейства. Непредвидѣнные обстоятельства при-

вели молодого Цыганова на артистическое поприще, и онъ поступилъ въ саратовскую театральную труппу около 1816 г. Тамъ оставался онъ около 12 лѣтъ, развѣзжая притомъ и по другимъ окрестнымъ городамъ, гдѣ были театры. Извѣстный писатель М. Н. Загоскинъ, въ бытность свою въ Симбирскѣ, замѣтилъ сценическое дарованіе Цыганова и содѣйствовалъ переходу его на московскій театръ. Здѣсь успѣхи его не были особенно замѣтны; однако тѣ, которые помнятъ его, признаютъ единодушно въ немъ актера умнаго и полезнаго. Но столичное поприще Цыганова было непродолжительно. Переживши благополучно холеру 1830 г., онъ сдѣлался въ слѣдующемъ году жертвою эпидеміи, въ то время уже уменьшившейся въ Москвѣ, но тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшей на тѣхъ немногихъ, которыхъ она поражала. Цыгановъ умеръ въ Москвѣ въ 1831 году, 34 лѣтъ отъ роду.

Въ частной жизни Цыгановъ былъ человѣкъ откровенный, добродушный и, несмотря на то, что любилъ подчасъ веселье и даже разгулъ, отличался какою-то застѣнчивостью, которая часто вызывала на шутки его товарищей и пріятелей, очень любившихъ его. Впрочемъ, эта застѣнчивость не мѣшала ему презабавно и остроумно отшучиваться...

Цыгановъ былъ нѣжнымъ сыномъ и заботился о содержаніи и успокоеніи старушки-матери своей, которая потомъ была взята къ себѣ въ домъ нашимъ славнымъ артистомъ М. С. Щепкинымъ.

Отлично знакомый съ народными пѣснями, которыя онъ собиралъ и слушалъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Цыгановъ проникался духомъ этихъ пѣсенъ и сочинялъ свои, которыя самъ очень пріятно пѣвалъ, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Нѣкоторыя его пѣсни просто передѣлка извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ или ихъ развитіе. Безпечный по природѣ, онъ не заботился собирать или печатать написанное; при жизни его немногія изъ его пѣсенъ появились въ печати, хотя нѣкоторыя сдѣлались извѣстны въ десяткахъ тысячъ списковъ во всей Россіи и стали народными. Распѣвавшіе эти пѣсни едва ли знали имя сочинителя. Многіе, вѣроятно, и теперь не знаютъ, что Цыгановъ авторъ такихъ общеизвѣстныхъ пѣсенъ, какъ: «Охъ, болитъ, да щемитъ ретиво сердечко»; «Что ты рано, травушка, пожелтѣла»; «При долинушкѣ берега»; «По полю, полю чистому»; «Ахъ ты, рощица, роща темная» и проч. Изъ нихъ «Красный сарафанъ», съ пріятною музыкой Титова, пользовался извѣстностію во всѣхъ слояхъ общества.

Послѣ смерти Цыганова нѣкоторыя его пѣсни появились въ «Молвѣ», еженедѣльномъ прибавленіи къ «Телескопу» Надеждина и другихъ журналахъ. Собраніе ихъ вышло подъ заглавіемъ: «Русскія пѣсни Н. Цыганова». М. 1834 г. Книжка эта была напечатана, кажется, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и давно сдѣлалась библиографическою рѣдкостію; второе изданіе вышло въ 1857 г. безъ всякихъ перемѣнъ противъ изданія 1834 г. и тоже давно разошлось. Наше изданіе дополнено

посвященіемъ пѣсенъ знаменитому русскому актеру П. С. Мочалову, посвященіемъ, напечатаннымъ въ «Литературномъ Кабинетѣ» альманахѣ 1842 г., гдѣ явились первыя пѣсни Цыганова, и четырьмя пѣснями, изъ которыхъ двѣ напечатаны въ «Литературномъ Кабинетѣ» и двѣ—въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1842 г. Помѣщая пѣсню «Залетная кукушечка» (послѣдняя въ нашемъ сборникѣ), редакторъ «Репертуара», покойный Ѳ. А. Кони, снабдилъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Цыгановъ былъ замѣчательный русскій народный поэтъ. Онъ исходилъ почти всю Россію, чтобъ послушать родные звуки у русскаго человѣка въ скорбный и веселый часъ. Онъ записывалъ ихъ пѣсни, подмѣчалъ оригинальныя выраженія и имѣлъ особенный тактъ отличать чисто національныя перлы въ русскихъ пѣсняхъ отъ искусственной поддѣлки подъ національность. Цыгановъ былъ актеромъ при московскомъ театрѣ, и притомъ актеромъ талантливымъ, особенно въ роляхъ наивно-комическихъ стариковъ. Удивительная доброта, мягкость и непритязательность нрава дѣлали его любимцемъ цѣлой труппы. Въ поэтическомъ отношеніи, по созданію пѣсенъ, Цыгановъ стоялъ гораздо выше барона Дельвига. Пѣсни Цыганова отличаются рѣзкимъ характеромъ руссизма, теплотою и неподдѣльной простотой, тогда какъ у Дельвига преобладаютъ вычурность въ выраженіяхъ, а въ изложеніи — форма французскаго романса. Ранняя смерть не позволила Цыганову обнародовать богатаго собранія волжскихъ разбой-

ничьихъ пѣсень, которыя ему удалось подслушать и отыскать въ названныхъ губерніяхъ, — а русская литература потеряла чрезъ то чудесный матеріалъ для народной баллады. Пѣсня, здѣсь помѣщенная, взята изъ своеручной тетради автора, которую онъ передъ смертью подарилъ мнѣ. По какому-то странному случаю она не вошла въ печатный сборникъ его пѣсень».

По теплomu и искреннему чувству, выраженному чисто поэтическимъ языкомъ, выхваченнымъ прямо изъ народной рѣчи, по задушевности и горькой, иногда близкой къ отчаянію заунывности, Цыгановъ безспорно ближе къ поэтическому чувству народа, чѣмъ баронъ Дельвигъ. Но Цыганова сравнивали также съ Кольцовымъ; внимательно вчитываясь въ пѣсни Цыганова, дѣйствительно, найдешь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти ту же силу, что и у Кольцова, но Кольцовъ безспорно гораздо талантливѣе, оригинальнѣе и выразилъ русскую жизнь шире. Цыгановъ былъ его непосредственнымъ предшественникомъ и, можетъ быть, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на направленіе таланта Кольцова. У обоихъ поэтовъ встрѣчаются не только одни и тѣ же мотивы, но часто одни и тѣ же выраженія. Цыганову принадлежитъ болѣе скромное мѣсто въ исторіи русской литературѣ, чѣмъ Кольцову, но это мѣсто не такъ незамѣтно, чтобъ не допускало никакихъ сравненій между обоими поэтами.

Біографическія данныя о Цыгановѣ мы заимствуемъ изъ небольшой статьи М. Н. Лонгинова въ «Москов. Вѣд.» 1858, написанной по поводу вышедшаго второго изданія пѣсенъ Цыганова. Въ это время мать Цыганова была еще жива, и, собирая извѣстія о немъ, г. Лонгиновъ, по всей вѣроятности, обращался къ ней. Такъ можно заключить по нѣкоторымъ намекамъ статейки. Между тѣмъ, во 2 изд. «Русскихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ», г. Гербель говоритъ, что Цыгановъ (онъ называетъ его Николаемъ Степановичемъ) род. въ Москвѣ «въ первое десятилѣтіе нашего вѣка», что на 11 году онъ былъ помѣщенъ въ московское театральное училище, гдѣ пробылъ около восьми лѣтъ и былъ выищенъ оттуда съ званіемъ артиста императорскихъ театровъ и назначеніемъ жалованья низшаго оклада. «Но не прошло и году, говоритъ г. Гербель, какъ всякаго рода непріятности и лишенія, сопряженныя съ положеніемъ второстепеннаго актера, вовлекли его въ излишества и развили въ немъ страсть къ разгулу, сгубившему не одно дарованіе. Все это, взятое вмѣстѣ, повлекло за собой разстройство здоровья и въ концѣ концовъ свело Цыганова въ могилу... Цыгановъ умеръ въ 1833 г. въ Москвѣ, въ совершенной безвѣстности». У насъ годъ смерти Цыганова показанъ согласно со статьей «Москов. Вѣд.», которую, очевидно, г. Гербель заимствовалъ изъ статьи «Рус. Инв.» (1857 г., № 259),

ибо и біографическія данныя о Цыгановѣ, и даже объясненіе, почему онъ сталъ писать народныя пѣсни (потому, будто бы, что бывалъ у князя Шаховскаго, гдѣ встрѣчался съ литераторами), у г. Гербеля тѣ же, что и въ указанной статьѣ.

Посвященіе П. С. Мочалову.

Желали пѣсенъ вы моихъ —
Желанье ваше исполняю;
Три, избранныя, вамъ изъ нихъ
Съ душевнымъ чувствомъ посвящаю.
Ищите въ пѣсняхъ не стиховъ,
Не сладкихъ кудреватыхъ словъ
Поэтовъ, баловней искусства!..
Въ душевной скорби, въ простотѣ
Писалъ простаго сердца чувства
И отдыхалъ въ моей мечтѣ
Протекшихъ лѣтъ воспоминаньемъ...
Ахъ! не земнымъ очарованьемъ
Любовь беретъ надъ сердцемъ власть
И душу думою питаетъ,
Кровь въ жилахъ старца согрѣваетъ!
Тогда-бъ она была лишь страсть:
Презрѣнно чувство себялюбца,
Пресыщеннаго сластолюбца!

И святостью-бъ ее не чтилъ,
Когда-бъ земное въ ней любилъ...

.
Языкъ любви безъ изысканій,—
Не терпитъ галло-русскихъ фразъ...
О, кто любилъ въ сей жизни разъ,
Пойметъ меня безъ толкованій!

I.

Красенъ въ поляхъ, цвѣтенъ въ лугахъ
Цвѣточекъ незабудка!
Гремучъ въ лѣсахъ, пѣвучъ въ садахъ
Весенній гость — соловьюшко!
А краше мнѣ, дороже нѣтъ,
Пригляднѣе, пріятнѣе —
Души моей красавицы!
А кто она, и гдѣ она,
Никто про то не свѣдаетъ...
Не здѣсь она, не тамъ она,
Не у бѣлой груди моей!..
А день и ночь, какъ свѣтъ очей,
Огнемъ горитъ, лучемъ блеститъ,
Звѣздой передразвѣтною!..
И всякій мигъ въ очахъ моихъ —
Вездѣ со мной, передо мной —
Въ кустахъ растеть, въ цвѣтахъ цвѣтеть,
Цвѣтеть цвѣтокъ гуляфчкомъ;
Весна придетъ — она поетъ,
Поетъ залетной пташечкой!
Ключемъ кипитъ, ручьемъ журчитъ —
Бѣжитъ волной зыбучею!

То лебедью — водой плыветъ,
 Плыветъ и величается!
 То павою — тропой идетъ,
 Идетъ и озирается...
 То дѣвицей — красавицей
 Въ вѣнкѣ цвѣтовъ лазоревыхъ
 Подъ липками, березками
 Играетъ, забавляется!..
 На всѣхъ глядитъ — меня манитъ,
 Манитъ рукою бѣлою...
 Пущусь бѣжать, — ее обнять,
 Расцѣловать, размиловать,
 Прижать къ сердцу ретивому...
 Она какъ разъ уйдетъ изъ глазъ —
 Сверкнетъ звѣздой падучею
 И скроется, схоронится!
 Хочу отстать, — она опять
 Начнетъ манить ласкаючись,
 Привѣтно улыбаючись!

II.

Охъ, болить
 Да щемить
 Ретиво сердечко —
 Все по немъ,
 По моемъ
 По миломъ дружечкѣ!

Онъ сердить,
Не глядитъ
 На меня, дѣвицу;
Все коритъ
Да бранитъ,
 Вноситъ небылицу:
Будто днемъ,
Соловьѣмъ
 По садамъ летаю —
Не о немъ,
Объ иномъ
 Звонко распѣваю;
Ничего
Никого
 Ночью не боюся
И не съ нимъ,
Все съ инымъ
 Милымъ веселюся.
Не расти,
Не цвѣсти
 Кустику сухому,
Не любить,
Не сгубить
 Дѣвицы иному!
Не себѣ —
Все тебѣ
 Красота блюдется..
Ахъ, ничьей —
Все твоей
 Съ горя изведется.

III.

Не кукушечка во сыромъ бору
Жалобнехонько
Вскуковала,
А молодушка въ свѣтломъ терему
Тяжелехонько
Простонала;
Не ясенъ соколъ по поднебесью
За лебедками
Залетался, —
Добрый молодецъ, по безразумью,
За красотками
Зашатался!..
Ясну соколу быть пойману,
Обезкрылену
Во неволѣ.
Добру молодцу быть въ солдатушкахъ
Обезглавлену
Въ ратномъ полѣ.
А кукушечкѣ во сыромъ бору
По чужимъ гнѣздамъ
Куковати...
А молодушкѣ во слободушкѣ
По чужимъ угламъ
Воздыхати.

IV.

— «Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла...
Что вы рано, цвѣтики,
Облетѣли?
Что ты такъ, красавица,
Похудѣла:
Впали алы щеченьки —
Поблѣднѣли...
Впали ясны оченьки —
Потускнѣли?...»
— «Не успѣли цвѣтики
Распуститься,
Ужъ ихъ злая засуха
Поѣдаетъ...
Не успѣла я съ дружкой
Обручиться,
Ужъ онъ меня, бѣдную,
Покидаетъ,
Безъ поры, безъ времени
Убиваетъ!»
— «Только-ль свѣту бѣлаго,
Что въ оконцѣ?...
Только-ль добрыхъ молодцевъ
Что измѣнщикъ?
Не туманъ, голубушка,
Ясныхъ очекъ,
Не слези, лебедушка,
Алыхъ щечекъ!

Выбирай любимаго
Изъ удалыхъ —
По нраву пріятному,
По обычю,
По уму, по разуму
Да по сердцу!»
— «Погляжу-ль я на небо:
Звѣздохъ много —
Да одинъ во звѣздочкахъ
Свѣтель мѣсяцъ!
Загляну-ль въ зеленый садъ:
Пташекъ много —
Да одинъ во пташечкахъ
Ясенъ соколъ!
Взгляну-ли на молодцевъ:
Добрыхъ много —
Да не придутъ дѣвушкѣ
По обычю,
По уму, по разуму
Да по сердцу».

V.

Что это за сердце,
Что это такое,—
Что ни днемъ, ни ночью
Не даетъ покоя?

То забьется пташкой,
Запертою въ клѣткѣ;
То замретъ цвѣточкомъ
На скошенной вѣткѣ!..

Быть бы сердцу пташкой —
Чего-бъ захотѣло?
Дать бы ему крылья —
Куда-бъ полетѣло?

Знаю я сторонку,
Гдѣ его зазноба...
Ахъ, туда бы лѣтомъ
Полетѣли оба!

На той на сторонкѣ
Теплѣй солнце грѣетъ, —
Тамъ дѣвица красна
Какъ цвѣтъ маковъ зрѣетъ!

Тамъ въ темныя ночи
Не звѣзды лишь свѣтятъ, —
Тамъ ясныя очи
Привѣтливо встрѣтятъ;

Привѣтливо встрѣтятъ,
Ласково проводятъ...
Любезныя рѣчи
Тоски не наводятъ.

VI.

Разсудите мнѣ, люди добрые,
Разгадайте мнѣ мой недобрый сонъ:

Посылаю я
Сиза голубя
Ко милу дружку
Съ тайной вѣсточкой...
Не успѣла я
Наказать къ нему,
Не успѣлъ взмахнуть
Голубь крыльями,
Ужъ и бьется онъ,
И трепещется
Въ воровскихъ когтяхъ
Злого ястреба!..
Обомлѣла я—
Испугалася...
Какъ безумная
Заметалася!..
И схватила я
Тугой, крѣпкій лукъ,
Наложила я
Калену стрѣлу:
Тетива звенить,
А стрѣла летить,—
И прострѣленный
Хищникъ мертвъ лежитъ!...

Я бѣгу къ нему,
Я спѣшу къ нему, —
Ахъ, кого-жъ мои
Видятъ оченьки?..
Словно громомъ я
Оглушилася, —
Чуть-чуть памяти
Не лишилася!
Мнѣ представился
Страшной смерти видъ, —
Милъ сердечный мой
Распростертъ лежитъ:
Не глядятъ его
Очи ясныя,
Не манятъ меня
Взглядомъ ласковымъ;
Затворилися
Уста сладкія,
Не зовутъ меня
Рѣчью нѣжною;
Руки бѣлыя
Накрестъ сложены —
Не прижмутъ меня
Ко бѣлой груди,
Къ ретиву сердцу!..

Разгадайте же, люди добрые,
Мнѣ къ чему такой сонъ привидѣлся?

VII.

— Что ты, соловеюшко,
Корму не клюешь,
Вѣшаешь головушку,
Пѣсенъ не поешь?

— «Пѣлося соловьюшку
Въ рощицѣ весной...
Вѣшаю головушку
Въ клѣткѣ золотой!

«На зеленой вѣточкѣ
Весело я жилъ...
Въ золотой же клѣточкѣ
Буду вѣкъ уныль!..»

«Зеленой-то вѣточкѣ
Къ пѣснямъ приучать;
Въ золотой же клѣточкѣ
Соловью молчать!»

«Зеленая вѣточка
Сердце веселить;
Золотая-жъ клѣточка
Умереть велить!..»

«Подружка на вѣточкѣ
Тужить обо мнѣ,—

Стонуть малы дѣточки...
До пѣнья ли мнѣ?»

— Отперто окошечко
Къ рощицѣ твоей,—
Будь счастливъ, мой крошечка,
Улетай скорѣй!..

VIII.

Жавороночекъ на проталинкѣ
Распѣваетъ,
Онъ зоветъ весну, радость-красную
Вызываетъ!

Не лежать снѣжкамъ въ чистомъ полѣ—
Растопиться,
Бурной рѣченькой въ море сине
Укатиться!

Не пора-ль и мнѣ съ грустью лютою
Раздружиться?
Жавороночекъ надъ теплымъ гнѣздомъ
Распѣваетъ;

Сѣнокосъ поспѣлъ, золотая рожь
Созрѣваетъ:
Время птенчикамъ, малымъ дѣточкамъ,
Опериться,

Легкимъ крылышкамъ по поднебесью
Поноситься!—
Вотъ пора и мнѣ съ грустью лютою
Разлучиться!

Замолчалъ пѣвунъ-жавороночекъ—
Унываетъ...
Со полуночи дуетъ буйный вѣтръ,
Подуваетъ...

Не дозрѣть плодамъ — на земь съ деревца
Посвалиться;
Облетѣть листамъ — прахомъ по вѣтру
Разноситься...

Ахъ, пора, пора съ грустью лютою
Распроститься...
Жавороночекъ къ морю теплomu
Отлетаетъ;

Вьюга зимняя—все метелица
Заметаетъ...
Видно, къ молодцу счастью прошлому
Не вернуться:

Спать бы крѣпкимъ сномъ во сырой землѣ,
Не проснуться,
Горю-бъ лютому до сердечушка
Не коснуться...

IX.

Что это за пташечка,
Что за голосистая!
Что у ней за пѣсенка,
Да что за пріятная!..
Заря занимается,—
Она просыпается,
До поздняго вечера,
До глухой полуночи,
Умолку не знаючи,—
Весело порхаяючи,
Поетъ распѣваючи,—
Меня потѣшаючи!
И мнѣ не соскучиться,
И мнѣ не наслушаться!

Что это за миленькій,
Да что за пригоженькій!
Что это за ласковый,
Да что за привѣтливый!..
Роса подымается,—
Ужъ онъ пробуждается:
До заката солнышка,
До вечерней звѣздочки
Все за мной, какъ тѣнь, слѣдить,
Все мнѣ про любовь твердить,—
Покоя не знаючи,
Меня все ласкаючи...
И мнѣ не соскучиться,
И мнѣ не наслушаться!

X.

«Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ахъ, не тучей громовой
Ясное закрылось:
Потушился свѣтъ очей—
Раннею могилой!
Мнѣ не вѣдать красныхъ дней,
Не видать ужъ милой!
Мнѣ ея не разбудить
Нѣжными рѣчами!
Ахъ, ея не воскресить
Горькими слезами!
Осѣдлаю-жъ я коня,
Сгину въ ратномъ полѣ..
И родной мой край меня
Не увидить болѣ!»

И стрѣлою онъ летитъ
Въ поле, въ грозну сѣчу...
И быстрѣй стрѣлы летитъ
Смерть ему навстрѣчу.

XI

Ахъ, ты, время, времячко
Золотое!
Не забыть мнѣ времячко
Дорогое!

Ты когда промчалось,
Прокатилось?
Ты куда дѣвалось,
Схоронилось?..
Не вѣчоръ, а давиче
Въ очахъ было,
Теперь далѣ, далече
Отлучилось!..
Ахъ, дружочекъ, миленькій
Мой дружочекъ!
Соколъ, сизокрыленькій
Соколочекъ!
Не тебя-ль къ дороженькѣ
Снарядили, —
Мои рѣзвы ноженъки
Подкосили?
Не тебя ли, милушку,
Провожаютъ, —
Не меня-ль въ могилушку
Снаряжаютъ?..
Ужъ мнѣ время краснаго
Не дождаться, —
Къ сердцу друга страстнаго
Не прижаться!
Мнѣ лишь грусть сердечная
Остается,
Тоска безконечная
Достается!
Съ нею темна ноченька
Не заспится...

Съ нею свѣту въ оченькахъ
Закатиться!

XII.

Ты подуѣй, подуѣй,
Тихій, тепленькій
Вѣтерочекъ!
Донеси къ нему,
Бъ другу милому,
Голосочекъ...
Ахъ, давно-давнымъ
Я съ дружкой моимъ
Не видалась;
Много, много дней,
Какъ съ душой моей
Я разсталась!
Милъ сердечный другъ
Голосочка вдругъ
Не узнаеть:
Не свирѣлкой онъ
Во слуху его
Заиграеть,
Не голубкою
Сизокрылою
Заворкуеть,
Не кукушкою
Горемычною
Закукуеть,

Не ручьемъ журча,
Не рѣкой теча,
Разольется:
Просто пѣсенкой
Заунывною
Пропоется.
И спою ему,
Другу милому,
Про страданье...
Про всечасное
Къ ретиву сердцу
Ожиданье!
Какъ съ тоски по немъ
Извелася я,
Исхудала;
Какъ ни день, ни ночь
Я отрадушки
Не видала...
Все-то лѣточко
При дороженькѣ
Просидѣла,
Всѣ-то глазаньки,
Дожидаючись,
Проглядѣла..
Ахъ, я жду-ль его,
Дожидаюся
Понапрасну,
Ужъ не кинулъ ли,—
Да не бросилъ ли
Онъ злосчастну?

Ужъ не рѣзвится-ль,
Обнимаючись
Со иною?
Ужъ не тѣшится-ль,
Насмѣхаючись
Надо мною?
Тутъ дружочекъ мой
Голосочекъ мой
Узнаваетъ,
Не простясь ни съ кѣмъ,
Соколомъ ко мнѣ
Прилетаетъ.
Ахъ, подуѣй, подуѣй,
Тихій, тепленькій
Вѣтерочекъ,
Донеси къ нему,
Къ другу милому,
Голосочекъ!

XIII.

Соловей мой, соловеюшко,
Голосистый мой, молоденькій!
Хорошо ты во саду поешь—
У подруженьки подъ крылышкомъ,
Моего высока терема
Подъ косящатымъ окошечкомъ!
У тебя одна есть пѣсенка,
Пѣсня звонкая, завѣтная...

У тебя одна есть думушка,
Дума крѣпкая, тяжелая!
И за мною безотвязная
Тѣнью бродить, страстью *) носится!
Не сама я зло накликала,
Сиротою возрастаючи,
Съ дѣтства матери не знаючи!..
Видно мой уже таланъ таковъ,
Что корить бѣдняжку есть кому, —
Надоумить только некому:
Какъ отстать мнѣ отъ мила дружка,
Какъ сложить покоръ съ головушки!
Часто ходитъ добрый молодецъ
Околъ садика зеленаго,
Близко терема высокаго,
Машетъ лентой объяринною,
Моимъ даромъ похваляется,
Надъ безвинной простотой моей
Онъ смѣется, издѣвается!
Молодецкой красотой своей
Онъ несется, величается!
Я любила — сердцемъ добраго,
Я дарила друга милаго,
Не насмѣшника постылаго!..

*) «Страсть» въ простомъ народѣ употребляется въ смыслѣ „страха“.

XIV.

Безъ поры да безъ времени
Сохнетъ въ полѣ муравушка...
Ахти! ты травка моя,
Ахти! свѣтъ-муравка моя!
Не журчитьъ ручеекъ въ лугахъ,
Не поетъ соловей въ кустахъ...
Ахти! ты пташка моя,
Ахти! голосистая!..
Не видала я лѣточка,
Не бирала я ягодки...
Ахти! калинка моя!
Ахти! свѣтъ-малинка моя!
Все-то въ теремѣ сидючи,
Съ старымъ мужемъ горюючи.
Ахти! ты, горе мое,
Ахти! гореваньице!..
Опротивѣлъ мнѣ вольный свѣтъ,
Съ некошнымъ мужемъ ладу нѣтъ...
Ахти! лады вы мои,
Ахти! лады дѣвушкины!
Отымаеть ревнивый мужъ
Радость — дѣвичью волюшку...
Ахти! ты, воля моя,
Ахти! воля пташечья!
Не пускаеть съ подружками
Волѣсокъ за орѣшками...
Ахти! вы, рощи мои,
Ахти! свѣтъ—березовыя...

Пошутить за воротами,
Поиграть хорородами...
Ахти! вы, дидъ и ладо!
Ахти! люли-люшеньки!

XV.

Смолкни, пташка-каварейка!
Полно звонко распѣвать,—
Перестань ты мнѣ, злодѣйка,
Ретивое надрывать!

Ужъ ко мнѣ не воротиться
Краснымъ днямъ весны моей,—
Отвыкаетъ сердце биться,
Вспоминаючи о ней!

Радость-младость миновалась:
Отцвѣла она цвѣткомъ,
И не вихоремъ промчалась,
Пропорхнула мотылькомъ!

Съ нею память о бываломъ
Я хотѣлъ похоронить,
Ни грустить по немъ нимало—
Ни слезы не уронить!

Все давно забыто было:
Звонкой пѣсенкой своей

Все ты снова разбудила,
Пташка, лютый мой злодѣй!

Послѣ ведрышка къ ненастью
Тяжеленько привыкать,
А несчастному о счастѣ
Хуже смерти вспоминать!

XVI.

— «Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ,
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъѣнъ!
Рано мою косынку
На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленты убирать!
Пущай, непокрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего —

Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!»
— «Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Заблекнуть на щеченькахъ
Маковы цвѣты,
Прискучать забавушки —
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость воспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я молодешенька
Была такова,
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!»

XVII.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.

Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза —
 Всегда свѣтла она.
 Отъ бури лишь поморщится,
 Не зная, что волна.
 Не рощи, не дубравушки
 По бережку растутъ:
 Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
 Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
 А рѣчка извивается,
 По травушкѣ скользить,
 То въ ямкѣ потеряется,
 То снова заблеститъ.
 Ей убыли невѣдомы —
 Всегда въ одной красѣ;
 За прибыль благодарствуетъ
 Небесной лишь росѣ!
 Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
 Катиться по цвѣтамъ?
 Ждутъ бездны моря, свѣтлую,
 Въ дали туманной, *тамъ!*
 О, поле, поле чистое,
 Осиротѣешь ты...
 И вы, и вы посохнете,
 Лазоревы цвѣты!
 Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
 Измѣнчивъ нашъ удѣлъ:
 На рѣзвый бѣгъ твой по полю
 Сквозь слезы я глядѣлъ:
 И я жилъ рѣзво, весело,
 Пѣвалъ въ былые дни,

И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ одни.
Но все перемѣняется,
Проходить все, какъ сонъ, —
И я грустить-печалиться
До гроба осужденъ.

XVIII.

Я посѣю, молоденька,
Цвѣтиковъ маленько;
Стану съ зоренькой вставати
Цвѣты поливати,
Буду съ свѣтомъ пробуждаться,
Садомъ любоваться!
Для кого-жъ я садъ садила,
Берегла... ходила?
Ахъ! не для кого иного,
Для дружка милого!
Для чего въ моемъ садочкѣ
Пташки распѣвають?
Все о немъ же, о дружкѣ
Мнѣ воспоминаютъ!
Залетѣлъ мой соколъ ясный,
Молодецъ прекрасный,
Запропалъ въ тоскѣ-кручинѣ
Безъ вѣсти въ чужбинѣ.
И посла я посылала —
Милъ не принимаетъ...

И слезами я писала —
 Другъ не отвѣчаетъ...
 Пропадать же, зная, садочку
 Безъ мила дружечка...
 Не цвѣсти въ саду цвѣточку —
 Порву для вѣночка.
 Не плясать молодой въ вѣночкѣ,
 Гадать по дружочкѣ...
 Не боли-жъ, мое сердечко:
 Выйду я на рѣчку
 И на самую средину
 Вѣнокъ мой закину,
 Слезно, слезно зарыдаю,
 Сама загадаю!
 Коль надежа меня помнить —
 Мой вѣнокъ потонетъ!
 Коль надежа покидаетъ —
 Пущай уплываетъ!..

XIX.

Рано, рано вы, лазоревы цвѣты,
 Рано, рано вы поблекли, отцвѣли.
 Рано дѣвушка лишилась красоты,
 Скоро дни ея веселости прошли.

Рѣдко дѣвушку видаютъ у окна,
 Въ хороводахъ ея вовсе не видать:

Полюбила въ терему сидѣть одна,
Полюбилось ей горе горевать.

И порой она тихонько слезы лить,
Инымъ времячкомъ вздыхаетъ тяжело;
И порой она тихонько запоетъ,
Будто горе позабыто, все прошло:

«Ахъ! не все въ поляхъ метелицѣ мести,
«Въ темныхъ рощахъ буйну вѣтру бушевать:
«Придетъ время въ полѣ цвѣтикамъ цвѣсти,
«Въ рощѣ пташечкамъ, соловьюшкамъ свистать!

«Красны дѣвушки, собравшись въ хороводъ,
«На семикъ въ луга весну пойдутъ встрѣчать...
«Лишь одна подружка съ ними не поидетъ,
«Будетъ косточкой въ сырой землѣ стонать.

«Люди злые худой славой обнесутъ,
«Пересудами безвинно закорятъ,
«Слезы горькія сиротку не спасутъ,
«Вздохи тяжкіе безъ время уморятъ».

XX

Ахъ, не пташечка,
Не ясенъ соколъ
Со тепла гнѣзда солетаетъ,—

Въ путь дороженьку
 Добрый молодецъ
 Со подворьяца соѣзжаетъ.
 Не отецъ, не мать
 Добра молодца
 Съ широка двора отпускають;
 Не лебедушка,
 Молода жена
 На разстаньюшкахъ горько пла-
 Все на проводахъ [четь, —
 У молодика
 Посторонніе да чужіе.
 На разстаньюшкахъ
 Ретиву сердцу
 Не больны они да не тяжки...
 И прощается
 Съ ними молодецъ,
 Не грустя по нихъ, не кручинясь:
 Ни слезинушки
 Изъ ясныхъ очей
 На бѣлу грудь не скатилось.
 Веселехонько
 Добрый молодецъ,
 На коня сядясь, запѣваетъ:
 — «Ахъ, прости, прощай,
 Мой родимый край,
 Сторона моя дорогая,
 «Николи съ тобой,
 Со сторонущкой,
 Добру молодцу не видаться;

«Ничему въ тебѣ
Ненаглядному,
Сердцу милому не остаться:
«Отецъ съ матерью
Спятъ въ сырой землѣ,
Роду-племени не имѣю;
«Лишь одна была
Душа дѣвица,
Да и съ той меня разлучили.
«Ахъ, вечеръ ее,
Мою любушку,
За немилаго обручили;
«Лишь о ней вздохну
Тяжелехонько,
Лишь о ней одной пожалѣю».

XXI.

Хороша ты, красна дѣвушка,
На бѣломъ свѣтѣ родилася!
Ни видѣмъ такой не видано,
Ни слыхѣмъ такой не слыхано;
Темнорусая коса твоя
Лентой алой изукрашена,
Твои брови соболиныя
Обогнулися, какъ радуга,
Твои очи соколиныя
Будто звѣздочки, горять, блестятъ:
Твои губочки, какъ маковъ цвѣтъ,
Что весною расцвѣтатъ начнетъ;

Грудь высоко лебединая,
 А походочка павлиная;
 Голосъ звонче соловьиного,
 Рѣчи слаще меду сладкаго!
 Мое сердце разсыпалось,
 Отъ покою отказалось;
 За тобою я какъ тѣнь брожу!
 Ахъ, когда бъ сердца ретиваго
 Можно было мнѣ послушаться,
 Не спознать бы горя горькаго,
 Не извѣдать бы кручинушки...
 Не любить бы несогласную,
 Лютымъ сердцемъ непокорную!

XXII.

Ахъ, молодость, молодость!
 Весна моя красная!
 Ты когда, когда прошла,
 Когда прокатилась?..
 Ты не рѣчкой протекала, —
 Точно изъ лука стрѣла;
 Или пташкой пролетѣла, —
 Точно пѣсенкой пропѣлась,
 Дальнимъ гуломъ пронеслась —
 И сокрылась отъ глазъ!
 Ахъ, ты, горе горькое,
 Неизмѣнная тоска!
 Ты когда на ретивое
 Горючимъ камнемъ легла?..

Съ молокомъ ли я родимой
 Въ бѣлу грудь тебя всосалъ,
 Или съ первымъ поцѣлуемъ
 Красной дѣвицы узналъ?..
 Злые люди подружили
 Горе горькое со мной...
 И въ сырой землѣ — въ могилѣ
 Моя радость, мой покой!

XXIII.

1-й голосъ.

Молви, Любушка, голубушка моя:
 Вѣрно-ль любишь ты, молодчика, меня?

2-й голосъ.

Видитъ Богъ — люблю! Не попусту божусь:
 Безъ тебя я свѣта бѣлаго лишусь.

1-й голосъ.

Лъзя ли сердце ретивое разгадать,
 Лъзя ли въ будущемъ, какъ въ прошломъ, пречи-
 тать?

Если буду въ чужой-дальней сторонѣ,
 Ты измѣнишься въ сердечушкѣ ко мнѣ?

2-й голосъ.

Если мнѣ да по тебѣ не тосковать,
 Такъ тебѣ меня живою не видать!

По тебѣ сердечко стонетъ и болитъ,
Ни о чемъ иномъ подумать не велить!

1-й голосъ.

Сладкой рѣчью облегчила ты мнѣ грудь:
Не боюсь теперь пуститься въ дальній путь!

2-й голосъ.

Какъ! ты ѣдешь въ чужу-дальню сторону,
Покидаешь меня, дѣвицу, одну?

1-й голосъ.

Ненадолго расстаешься съ молодцомъ,
Скоро свидишься опять и подъ вѣнцомъ.

2-й голосъ.

Подарилъ и ты утѣшливымъ словомъ:
Не разстанусь съ золотымъ твоимъ кольцомъ.

Долго дѣвица тужила и ждала,
Долго злыхъ людей утѣхою была,
И завяли алы розы на устахъ,
И померкло ясно солнце во очахъ.
Но кольцо... она во гробъ его снесла...
А любовь его погода унесла.

XXIV.

Ахъ, чарка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!

Кому тебя пить,
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытїи стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленѣго
Неналитая!

Бывала ли ты
Полнымъ до-полна,
Какъ въ водополь рѣчка
Съ краями равна?

Свѣтилася ли,
Честилася ли
Въ веселой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила-ль кругомъ,
Поила-ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы-ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ
Веселые взгляды,
Ласкающіе?

Встрѣчались ли,
Случались ли
Пріятельски руки,
Сжимающія?

Давно ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Спрокинутая —

Роями друзей,
Екъ печали мосей,
Какъ улей пчелами,
Покинутая?

Не стало вина, —
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Такъ есть и бывало —
Быль съ сказкой сходны!

XXV.

Лежитъ въ полѣ дороженька —
 Прелегаеть,
И ельничкомъ, березничкомъ
 Зарастаетъ...
Не змѣйкою — кустарничкомъ
 Она вьется;
Не рѣченькой — желтымъ пескомъ
 Она льется;
Не торною — не гладкою,
 Не убитой,
Лежитъ тропой заброшенной,
 Позабытой...
Въ концѣ пути-дороженьки
 Горючь камень,
На камешкѣ сердечушко,
 Въ сердцѣ пламень!
По всѣмъ угламъ у камешка
 Растутъ ели,
По всѣмъ угламъ на елочкахъ
 Пташки сѣли...
И жалобно пернаточки
 Распѣваютъ:
«Вотъ такъ-то снать въ сырой землѣ,
 Почиваютъ
Безродные, бездольные
 На чужбинѣ!
Никто по нихъ не плачется,
 Не въ кручинѣ.

Ни мать, отецъ надъ камешкомъ
 Не рыдаютъ;
Ни друга здѣсь, ни брата здѣсь
 Не видаютъ!
Лишь разъ сюда красавица
 Приходила,
Здѣсь ельничку, березничку
 Насадилъ,
Поплакала надъ камешкомъ,
 Порыдала,
Намъ жалобно пѣть день и ночь
 Приказала...
А кто она, гдѣ дѣлася? —
 Не сказала»

XXVI.

При долинушкѣ береза
 Бѣлая стояла;
При березынкѣ дѣвица
 Плакала, рыдала...
Ахъ, съ вершинушки березу
 Вѣтромъ колыхаетъ,
Съ корешка мою кудряву
 Водой подмываетъ!
Скоро, бѣлая береза,
 Съ корешка свалишься —
Перестанутъ къ вѣткамъ птицы,
 Распѣвая, виться!

И проложится дорожка
Мимо той березы,
И проѣдутъ по дорожкѣ
Да пройдутъ обозы...
Станутъ станомъ у березы
Коней попоить,
Обсушиться, обогрѣться,
Каши поварити;
И сожгутъ, сжальтъ березу
Даже до сучечка—
И не молвятъ про березу
Ниже ни словечка!..
Такъ-то мнѣ, молодой младенькѣ
На чужой чужбинкѣ
Спать въ сырой землѣ забытой -
Словно сиротинкѣ!
Что безъ родной, безъ родимой
Безъ отца родного!
Что безъ дольной, безъ прилуки.
Безъ дружка милого.

XXVII.

Брезжетъ мѣсяцъ молодой,
Изъ-за тучъ мелькая;
Плачетъ паренъ удалой,
Долю проклиная!

Губить горе молодца,
Какъ цвѣтокъ — морозы...

Удалому безъ конца,
Безъ отрады слезы!

Въ гору рѣчки не текутъ —
А подъ гору льются!..
Въ счастье люди слезъ не льютъ —
Весело смѣются!

Все придумалъ молодецъ, —
А тоска—тоскою!
И настанетъ ей конецъ
Съ гробовой доскою!..

Вотъ, однажды вечеркомъ,
Онъ поетъ въ кручинѣ,
И разноситъ вѣтеркомъ
Пѣсню по долинѣ:

«Ужъ ты мать, ты моя мать —
Матушка родная!
На тебя ли мнѣ пенять,
Долю проклиная?

«Не для слезъ ли родила
Молодца въ часъ ночи?
Не для горькихъ ли дала
Мнѣ черныя очи?

«Я не вижу красныхъ дней,
Радостей не знаю
И, какъ льдинка отъ лучей
На песочкѣ, таю!»

XXVIII.

Ахти! бѣда-неволюшка—
Погибельная долюшка!
Сама хожу по камешку,
Коня вожу по травушкѣ,
По травушкѣ-муравушкѣ —
Кусты растутъ, цвѣты цвѣтутъ,
Въ кустахъ, въ цвѣтахъ пѣвцы поютъ.
Ахъ въюнчики, пѣвунчики,
Залетные игрунчики!
Вы спойте мнѣ, скажите мнѣ:
Въ чемъ волюшка, въ чемъ воли нѣтъ,
Гдѣ волюшка, гдѣ воли нѣтъ?
У дѣвушекъ, голубушекъ,
Повольничать, позбойничать,—
Ни прясть, ни ткать, въ танокъ играть,
Въ пору взойти, замужъ пойти! —
У молодцевъ, у соколовъ,
Повольничать, позбойничать,
Коней сѣдлать, бѣдой играть,
Невѣсть любить да женъ губить!
Молодушкамъ, лебедушкамъ—
Нѣтъ волюшки, свободушки:
То въ зыбочкѣ «ува» кричить,
То у печи свекровь ворчитъ,
То мужъ о столъ ножомъ стучить:
«На столъ собирай, вина давай,
«Коня сѣдлай, съ двора спущай —
«Да кланяйся въ слѣдъ до земли,
«Да жди назадъ къ бѣлой зари!»

XXIX.

Ахъ, не звѣздочка сіяетъ
Въ поднебесной вышинѣ...
Красна дѣвица вздыхаетъ,
Лежа грудью на окнѣ...
Вдоль по улицѣ широкой
Не сизой орелъ летитъ —
Чернобровый, черноокой
Къ ней дружокъ ея спѣшитъ:

«Ахъ прости, мой другъ сердечный»,
Онъ, вздохнувши, ей сказалъ:
«Часъ разлуки, можетъ, вѣчной
«Неожиданно насталъ.
«На войну — карать злодѣевъ —
«Объявили намъ походъ...
«Лишь молитвою твоею
«Въ брани Богъ меня спасетъ!»

Заливаясь слезами,
Вопитъ дѣвица въ отвѣтъ:
«О, хранимый небесами,
Не покинь меня, мой свѣтъ!
Если-жъ небо присудило —
Пули грудь твою пробьютъ,
Пусть въ одну темну могилу
И меня съ тобой кладутъ!..»

Въ первой битвѣ — доля слезна —
Добрый молодецъ убить!
Съ первой вѣстью о любезномъ
Въ гробъ дѣвица лежитъ...

XXX.

Полетай, соловьюшко,
На родиму сторонушку:
На родимой сторонушкѣ
Тамъ жила сироточка,
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!

Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано —
Не водицей ключевою —
А слезами, да горячими.

Сядь на немъ, соловьюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышко,
Заведи малыхъ дѣтушекъ, —
Распѣвай съ утра до ночи:
Потѣпай сиротинушку —
Мою матушку родимую!

Пусть родная не плачется,
Подъ окошечкомъ сидючи,

На проѣзжаго гляючи,
 Обо мнѣ воспоминаючи!..
 Еще я на бѣломъ свѣту
 Пуще прежняго люблю ее.

Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
 Съ яснымъ мѣсяцемъ видится..
 Такъ настанетъ и намъ денекъ —
 И мы съ ней повидаемся,
 Наглядимся, насмотримся,
 Насмѣемся... наплачемся...
 Крѣпко, крѣпко обнимемся
 И до-сыта нацѣлуемся.

XXXI.

ХОРЪ.

Ахъ, о чемъ, голубка Маша,
 Ты ручьями слезы льешь,
 Убѣгаешь ласки нашей,
 Съ нами пѣсенъ не поешь,
 Не играешь въ хороводы?
 Все кручинна и грустна —
 Будто нивка безъ погоды,
 Знойнымъ солнцемъ сожжена!

МАША.

Ахъ, одинъ былъ садочекъ,
 Да и тотъ сталъ засыхать...

Былъ какъ свѣтъ въ очью дружокъ,
Да и тотъ сталъ покидать!
Не на то я садъ садила,
Поливала, стерегла,
Всѣмъ сосѣдямъ досадила, —
Чтобъ могилу въ немъ нашла!
Не къ тому садъ разросался,
Распушался, расцвѣталъ,
Чтобъ часокъ покрасовался
И навѣкъ потомъ пропалъ! —
Безпремѣнно для дѣвицы
Онъ бы долженъ уродить
Три корысти-небылицы —
Безъ того мнѣ полно жить!
Ужъ мнѣ въ первой небылицѣ —
Быть пригоже всѣхъ собой,
А съ другою небылицей —
Только радость знать молодой,
И мнѣ третья небылица —
Не вздыхать, не тосковать,
Полюбивши — полюбиться,
Съ милымъ вѣкъ свой свѣковать!

XXXII.

Перелетная пичужечка,
Непосѣдная кукушечка!
Гдѣ покинешь ты летаньице —
Заунывно кукованьице?

Гдѣ согрѣешь тепло гнѣздышко,
Заведешь малютокъ дѣтушекъ?
Аль не съ тѣмъ ты уродилася,
Чтобъ жить радостно годилася?..
Отмахаться легкимъ крылышкомъ—
Со куста на кустъ летаючи,
Какъ бы устали не знаючи,
А тепла гнѣзда не грѣючи—
Малыхъ дѣтокъ не лелѣючи!

Ты, несчастный, добрый молодецъ,
Безталанная головушка!
Гдѣ вздохнешь ты безъ страданьяца,
Безъ наволушки сердечушку?
Долго-ль будешь перелетывать
Бездомовною кукушкою?..
Аль до той поры, до времени,
Какъ злодѣюшки натѣшатся,
Злые толки притолкуются,
Небеса надъ горькимъ сжалятся,
Мать сыра-земля разступится,
Очи ясныя потушатся,
Рѣки слезныя осушатся,
Сляжешь въ тихую могилушку,
Что въ пуховую перинушку,
Обо всемъ, про все забудешься.

XXXIII.

Ахъ, ты, ночка, моя ноченька,
Ночка темная, осенняя!
Осиротѣла ты, ноченька,
Безъ младого свѣтла мѣсяца—
Такъ, какъ радость-красна дѣвица
Безъ мила дружка сердечнаго!..
Гдѣ-жъ красавецъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ:
Въ поднебесьѣ не видать его?
Не всходилъ онъ, не озаривалъ —
Темну ночку не освѣчивалъ:
Онъ не рѣзался сквозь облаки —
Въ высокъ теремъ не заглядывалъ...
Не манилъ онъ красну-дѣвицу
Ко косящату окошечку...

Ахъ! бѣдна же ночь безъ мѣсяца,
Какъ казакъ безъ ворона коня,
Чисто поле безъ наѣздника,
Золото кольцо безъ яхонта,
Красна дѣвица безъ миль дружка!
Все красавица придумала,
Пригадала съ темной ноченькой, —
На окошкѣ грудью лежучи,
Мила друга поджидаючи,
Какъ упала горяча слеза
На правую ея рученьку —
На кольцо ея алмазное,
Подареньице завѣтное;

И къ нему-то радость-дѣвица
Воздыхаючи промолвила:

«Ахъ, ты, перстень самоцвѣтный мой,
Драгоценность сердцу милая!
Какъ надѣтъ дружкой на рученьку,
Съ той же бережью ты носишься:
Отчего же ты попрежнему
Не блистаешь да не искришься?
Оттого ли, что у милаго—
Не мое кольцо на рученькѣ,
Не ко мнѣ любовь въ сердечушкѣ!»

XXXIV.

— «Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи!

Ахъ! прошли, прошли
Наши красны дни...
Наши радости
Будто вихрь умчалъ
И какъ пыль, какъ прахъ
Вѣетъ по полю!..
Объявилъ вчера
Сударь батюшка,
Согласилася
На то матушка,

Что не ровня я,
Не женихъ тебѣ,
Что женюсь я
На иной женѣ!..
Одно солнышко
Въ небесахъ горить...
И мнѣ молодцу
Только разъ любить!—

Я родителямъ
Покоряюсь:
На ихъ суженой,
На ихъ ряженой
(Съ смертью раннею)
Обвѣнчаюсь,
А съ тобой навѣкъ
Распрощаюсь!»
Не ручей журчить, не рѣка шумить —
Плачетъ дѣвица... вопить красная:
— «Ахъ, ты, милый мой,
Ненаглядный мой!..
Не жилица я
На бѣломъ свѣту,
Безъ тебя, душа,
Сердце, жизнь моя!..
Нѣтъ у горлинки
Двухъ голубчиковъ,
У лебедушки
Двухъ лебедчиковъ...
Не знавать и мнѣ
Двухъ милыхъ дружковъ!»

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго:
Въ передѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица...

XXXV.

Течетъ рѣчка по песочку,
Черезъ рѣчку мостикъ;
Черезъ мостъ лежитъ дорожка
Къ сударушкѣ въ гости!

Бхатъ мостомъ, бхатъ мостомъ,
Аль водою плыти?
А нельзя, чтобъ у любезной
Въ гостяхъ мнѣ не быти.

Не пойду же я мостомъ —
Поищу я броду...
Не пропустятъ злые люди
Славы по народу...

Худа слава — не забава,
Что въ ней за утѣха?
А съ любезной повидаться —
Рѣчка не помѣха.

XXXVI.

Ночь осенняя, хоть глаза коли, темна!
 Дѣвка красная, хоть прочь бѣги, скучна!
 Какъ на гибель, на бѣду обречена,
 Или съ свѣтомъ разстается она:
 Не промолвить ни единого словца,
 Не румянить радость бѣлаго лица!
 Бровью черною нахмурившись сидить —
 Голубымъ глазкомъ въ сыру землю глядитъ!..
 Хоть горючія не льются, не текутъ —
 Только грусть у ней волнуется бѣлу грудь...
 Горе тяжкое ей на сердце легло,
 Безотрадное всю внутренну сожгло.

— «Ахъ, прощай, моя дѣвичья красота!
 «Ты пришла ко мнѣ, злодѣйка, сухота?..
 «Ретиву сердцу отъ ревности сгорѣть —
 «Мнѣ, не живши, для веселья умереть!
 «Все погибло неозвратно для меня,
 «Если, миленькій, не любишь ты меня!
 «Ни съ какимъ уже въ цѣломъ свѣтѣ молодцомъ
 «Не мѣняться обручальнымъ мнѣ кольцомъ;
 «Никогда золотъ вѣнецъ не надѣвать —
 «Мнѣ сердечнымъ никого не называть!
 «Всѣ забавушки, всѣ игры, смѣхи прочь, —
 «Дни веселые замѣнить темна ночь...
 «Ни на чей ужъ я призывъ не отзовусь,
 «Ни на чей, млада, привѣтъ не улыбнусь!

«Нѣтъ! нельзя такой бѣды перенести —
«Что съ тобою мнѣ, что съ жизнью, прости!
«Нѣтъ, нельзя зимой муравушкѣ расти,
«По муравкѣ цвѣту алому цвѣсти,—
«Красну солнышку по-лѣтнему не грѣть,
«Вѣлой груди съ воздыханья не болѣть!»

XXXVII.

Ахъ, ты, рощица!
Роща темная!
Мѣсто тихое —
Укромное!
Для гуляницы —
Словно зеленъ садъ;
Для свиданья —
Ужъ какой ты кладъ!

У ревнивыхъ глазъ
Я украдуся —
Въ рощѣ милаго
Я дождуся.
Вотъ и онъ, душа,
Соколомъ летитъ,
На догадку мнѣ
Соловьемъ свиститъ!

Я бѣгу къ нему
Робкимъ зайкою,

По глухимъ тропамъ —
Горностайкою...
Прилечу къ нему —
Перепелицей,
Обоймусь съ дружкой —
Красной дѣвицей.

XXXVIII.

Каркнулъ воронъ на березѣ...
Свистнулъ воинъ на конѣ...
Погибать тебѣ, красоткѣ,
Въ чуже-дальней сторонѣ!..

Ахъ, зачѣмъ, за кѣмъ бѣжала
Ты за тридевять полей,
Для чего не размышляла
Ты объ участи своей?..

Все покинула, забыла
Прахъ отца, старушку мать
И рѣшилася отчизну
На чужбину промѣнять.

То ли счастье, чтобы очи
Милымъ сердцу веселить, —
Послѣ ими-жъ дни и ночи
Безотрадно слезы лить?

Неужли ты не слыхала
 Объ измѣнѣ? — «Никогда!»
 Неужли ты полагала
 Въ сердцѣ вѣрность?.. — «Навсегда!»

«Было некому бѣдняжку
 Поучить меня уму, —
 И голодной, вольной птишкой
 Я попалась въ сѣть къ нему...

«Никого я не спросилась
 Кромѣ сердца своего,
 Увидала, полюбила, —
 И умру любя его!»

Каркнулъ воронъ на березѣ...
 Свистнулъ воинъ на конѣ...
 И красотка погибаетъ
 Въ чуже-дальней сторонѣ.

XXXIX.

Не цвѣточкомъ отцвѣла —
 Пролетѣла какъ стрѣла,
 Бурнымъ вихоремъ умчалась
 Младость — красная пора.

Не порхала мотылькомъ,
 Не стонала голубкомъ, —

Улыбнулася зарницею
Добру молодцу любовь!

Не звана и не ждана,
Ни съ кручиной, ни одна,
Накатилась черной тучей
Злая старость на меня!..

Все бывшее — сонъ, мечта!
Призракъ — юность, красота!
Пробужденъ... разочарованъ,
Въ сердцѣ хладъ и пустота!

XL.

У соловьюшки одна пѣсенка,
Да и ту онъ по веснѣ поетъ!
У меня, молодой, одинъ милый другъ,
Да и тотъ со мной не въ любви живетъ!

Чуть лишь зоренька занимается,
Ужъ сѣдлаетъ милъ ворона коня...
Уѣзжаетъ же — не прощается,
Покидаетъ другъ во слезахъ меня.

Не бываетъ день, не бываетъ два,
Черезъ три домой возвращается...
Онъ шумить, гамить за воротами,
Все меня бранить за широкими:

«Ужъ ты спишь, моя молода жена,
Или такъ лежишь, прохлаждаешься?
Что нейдешь встрѣчать, принимать коня...
Иль иныхъ гостей дожидаться?»

Не лежу, не силю... я бѣгу, лечу,
Все тебя ждала, дожидалася;
Лишь къ твоей встрѣчѣ припасаючись,
День и ночь глаза не смыкались.

XLI.

Какъ за рѣченькой, за быстрою рѣкой,
На сторонукѣ прекрасной, луговой,
Косить Ванюшка шелковую траву,
Горе валить съ плечъ головушку ему.
Онъ, косивши, свою косу изломалъ,
Воздохнувши тяжелешенько, сказалъ:

«Прощай, моя укладная коса —
Погибаетъ молодецкая краса!
Ты умри, моя сварливая жена,
Взялъ бы молодецъ дѣвицу за себя:
Съ злой женою только горе горевать,
Съ красной дѣвкой сталъ бы жить да пировать».

Какъ не цвѣсть зимой лазоревымъ цвѣтамъ,
Не порхать пѣвуньямъ пташкамъ по кустамъ:
Только въ улицѣ метелицѣ шумѣть, —
Такъ ему веселой пѣсенки не пѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Біографія А. О. Мерзлякова	5

ПѢСНИ МЕРЗЛЯКОВА.

I. Среди долины ровныя	11
II. Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить	13
III. Не липочка кудрявая	14
IV. Вылетала бѣдна пташка на долину	16
V. Ахъ, что-жъ ты, голубчикъ	17
VI. Чернобровый, черноглазый	18
VII. Чувства въ разлукѣ	20
VIII. Сельская элегія	21
IX. Ахъ, дѣвица, красавица	24
X. Ожиданіе	25
XI. Соловущко	26
XII. Подъ березой, гдѣ прозрачный ключъ шумитъ	27
XIII. Мой безмолвный другъ, опять къ тебѣ иду	28

ПѢСНИ ЦЫГАНОВА.

	СТР.
Біографія Н. Г. Цыганова	33
Посвященіе П. С. Мочалову	40
I. Красенъ въ поляхъ, цвѣтенъ въ лугахъ	42
II. Охъ, болитъ	43
III. Не кукушечка во сыромъ бору	45
IV. Что ты рано, травушка	46
V. Что это за сердце	47
VI. Разсудите мнѣ, люди добрые	49
VII. Что ты, соловеюшко	51
VIII. Жавороночекъ на проталинкѣ	52
IX. Что это за пташечка	54
X. Не туманами, не мглой	55
XI. Ахъ, ты, время, времячко	55
XII. Ты подуѣй, подуѣй	57
XIII. Соловей мой, соловей	59
XIV. Безъ поры да безъ времени	61
XV. Смолкни, пташка-канарейка	62
XVI. Не шей ты мнѣ, матушка	63
XVII. По полю, полю чистому	64
XVIII. Я поѣю, молоденька	66
XIX. Рано, рано вы, лазоревы цвѣты	67
XX. Ахъ, не пташечка	68
XXI. Хороша ты, красна дѣвушка	70
XXII. Ахъ, молодость, молодость	71
XXIII. Молви, Любушка, голубушка моя	72
XXIV. Ахъ, чарка моя	74
XXV. Лежитъ въ полѣ дороженька	76
XXVI. При долинушкѣ берега	77

	СТР.
XXVII. Брезжетъ мѣсяцъ золотой	78
XXVIII. Ахти! бѣда-неволюшка	80
XXIX. Ахъ, не звѣздочка сіяетъ	81
XXX. Полетай, соловьюшко	82
XXXI. Ахъ, о чемъ, голубка Маша	83
XXXII. Перелетная пичужечка	84
XXXIII. Ахъ, ты, ночка, моя ноченька	86
XXXIV. Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ	87
XXXV. Течетъ рѣчка по песочку	89
XXXVI. Ночь осенняя, хоть глазъ коли, темна	90
XXXVII. Ахъ, ты, рощица	91
XXXVIII. Каркнулъ воронъ на березѣ	92
XXXIX. Не цвѣточкомъ отцвѣла	93
XL. У соловушки одна пѣсенка	94
XLI. Какъ за рѣченькой, за быстрою рѣкой	95

Пар.перепл.Гаевского СПб.